

Четвёртое переработанное и дополненное издание 3F9E1F3869BB463D-pdf

Parroslab Group © 2023

All Rights Reserved

С наиболее полным творчеством поэта и композитора Владимира Филиппова можно познакомиться на персональном сайте - *Vladimir Philippov*

Оглавление

Я пью за здоровье, молясь за упокой.	4
И заиграли вальс гитары,	4
А где-то далеко.....	5
Их было восемнадцать,	5
Небо раскололось от удара,.....	6
Как-то вечером гитару взял.....	7
Время отмеряет свой ход –	7
Мы горим, мы пылаем, плавимся.	8
Я на охоту вышел безоружным,	8
Цыганские страсти	9
Портрет.....	9
Не в дремучих дебрях мэтра Шишкина.....	10
Море, полночный бриз,	11
Замороженное Сердце	12
Энергетический пассаж.....	13
Путь в небо.....	13
Дьявол правит балом, святость – на кресте.....	13
О Песне.....	14
Аглая	14
Перед лицом Господним не солги,.....	15
Уж, сетуй, иль, не сетуй, а выбрано судьбой.....	16
Под знаком Зодиака	16
Порою, мы напрасно осуждаем	17
Кому-то почести дороже чести.	18
Я шагнул в океан безутешных страстей,.....	18
Мой дом всегда открытый для людей,	19
Хрустальная Сова.....	19
Магия ночи.....	20
Время – лечит	21
Монах	21
Играй, шарманщик, играй.....	22
Пройдись тихонько под дождём,.....	23
О Судьбе.....	23
Мир невидимый.....	24

Каждый день нов, непредсказуем,	25
Нет меры всем нравоучениям.	25
Мир тесен в рамках пробужденья,	26
Запретный плод.....	26
Дар небесный	27
Шестимерье	27
Голоса	28
Музыка сфер.....	28
Снег	29
Тучи – сплошь,.....	30
Я люблю возвращаться после долгой разлуки.....	30
Верь слову моему, и взгляду	31
Не в нами придуманном мире,	32
Осень уносит увядший листок.....	32
Я, как загнанный волк	33
Колокол звонит.....	34
Я видел, знал и ждал прихода тёмной силы,.....	35
Вишнёвые лица.....	36
Ты, гость неожиданный мой,	36
Я плачу над тобою, Югославия,.....	37
Дом, который взорвали	38
Вижу хищный оскал ненасытных клыков,.....	38
Опять разрывы нам сердца буравят,	39
Нет ни слов, ни эмоций, ни мыслей,	40
Он не для наград.....	41
Я дойду	41
Каждый стих.....	42
Умирать погоди	44
Вот пуля просвистела.....	45
Конь мой вороной	46
Несовершенен мир –	47
В мире, где льётся кровь,	47
Пустые слова	48
Ложь ширилась, росла, и набирала силы.....	48
Всё, ухожу... От пересудов, клеветы	49

* * *

Я пью за здоровье, молясь за упокой.
 Губами улыбаюсь, сердцем плача.
 Мне жизнь представит счёт суровый свой,
 И счёт тот будет вовремя оплачен.

Какую кару мне готовит ночь,
 Молчаньем тишину души взрывая.
 В грехе, да, будет нищей моя плоть
 Перед Вратами проклятого Рая.

Не жду я подаянья от людей,
 И не покаюсь пред Судом Господним.
 Перед людьми, и совестью своей
 Я чист, хоть, не святой угодник.

1980

* * *

И заиграли вальс гитары,
 Как будто, всполохи пожаров,
 Лучи прожекторов метнулись,
 И в ритме вальса покачнулись.

Вальс, Вальс, старинный Вальс,
 Вальс всех закружит нас,
 Вальс, Вальс, старинный Вальс,
 Вальс, Вальс, Вальс...

Кружятся в вальсе все, смеются,
 А у старушки слёзы льются,
 Ведь вальс с солдатами в окопах
 Прошёл почти что пол-Европы.

И не страшны ему столетья,
 И войны не страшны, пожары,
 Ведь это память человечья,
 И плач старушки и гитары...

Замри, мой друг, над обелиском,
 Пусть тихий вальс в тебе звучит.
 И, голову склонивши низко,
 Ты о погибших помолчи.

1974

А где-то далеко...

Крепнет наше армейское братство -
Если что, друг за друга горой.
Наша Родина – наше богатство
За неё мы готовы на бой.

А где-то далеко проходит день за днём,
Живёт страна под мирным небом.
А где-то далеко остался отчий дом,
Засыпанный по крыши снегом.

Мы умеем стрелять очень метко,
Если надо, конечно, стрелять.
Но уходим опять мы в разведку,
Чтобы было спокойней вам спать.

А где-то далеко проходит день за днём,
Живёт страна под мирным небом.
А где-то далеко остался отчий дом,
Засыпанный по крыши снегом.

Наша сила в любви к своим близким,
И врагам нашим стоит понять.
Мы отчизны советской, российской
Никому не позволим топтать.

А где-то далеко проходит день за днём,
Живёт страна под мирным небом.
А где-то далеко остался отчий дом,
Засыпанный по крыши снегом.

1977

* * *

Их было восемнадцать,
Им было восемнадцать.
Они стояли насмерть,
Засучив рукава.
Таков приказ был, братцы,
Пришлось им всем поклясться,
Стоять, и не сдаваться,
Ведь позади Москва.

Их было восемнадцать,
 Им было восемнадцать,
 Не трудно догадаться –
 Фашисты не прошли.
 Не удалось продаться
 В Москву проклятым наци...
 Погибли восемнадцать,
 Но танки все сожгли.

Их было восемнадцать,
 Им было восемнадцать.
 Им суждено остаться
 Такими навсегда.
 Лежат все восемнадцать
 В тени густых акаций,
 А над Москвой сияет
 Победная звезда.

1978

* * *

Небо расколось от удара,
 Слух надрывной песнею сверля,
 И запылала, задрожала,
 Вздыбилась натуженно земля.

В непонятно-сероватой массе
 Всё смешалось в копти огня:
 Кровь, и человеческое мясо,
 И кусочек самого меня...

Что с того, что я родился позже?
 Что с того, что позади война?
 На Смоленщине, в Литве и Польше
 До сих пор земля обагрена.

Что с того, что пеплом опалённый,
 Смешан с той землёй совсем не я?
 До сих пор ночами плачут клёны,
 И рыдает до сих пор душа моя.

1978

Как-то вечером гитару взял...

Как-то вечером гитару взял, взгрустнулось,
И рука случайно струн тугих коснулась,
Вдруг душа от боли застонала,
Вспомнил вдруг, что помнила гитара.

Вспомнил дым давно утихнувших сражений,
Радость от Победы, горечь поражений...
И сквозили будто в тихом переборе
Слёзы от бывшего, от радости и горя.

Вспомнила гитара песни лет военных,
Пыльные дороги от Москвы до Вены,
О задорном парне с грустью рассказала,
Как, сражённый пулей, на траву упал он.

Вскрикнула гитара, захлебнувшись песней,
Что не смог докончить парень с Красной Пресни...
Мать родную, землю, обхватив руками,
Он застыл навеки, обратившись в камень.

Пусть гитара плачет, пусть о нём горюет,
За него сегодня песню допою я.
В комнате притихшей, еле струн касаясь,
Мы с гитарой вместе о прошлом вспоминаем.

1980

* * *

Время отмеряет свой ход –
Каждому своё.
И большего оно
Никому не даёт.
Безжалостным шагом
Идёт и идёт.
Кто держится – живёт!
Ну, а кто отстаёт?..
Коль молод ты –
Полон ты жизненных сил,
Ну, а если ты в старость уже угодил?
Время рвёт и бросает,
И, просто берёт.

Мы не боги,
И каждый из нас устаёт,
В этой гонке без финиша
Время не ждёт.

1981

* * *

Мы горим, мы пылаем, плавимся.
Гниль с пути своего сметаем мы.
С ног порою с усталости валимся,
Но в пылу своём, неугасаемы.
Из металла мы будто спаяны,
Нас не сбить со своей позиции.
Мы суровы и неприкаянны,
И не ткнуть вам нас в снег лицами.
Пусть усталостью плечи сдавлены –
Но не гоже нам ей покориться.
Все мы тем же металлом сплавлены,
Отступить нам никак не годится.
И идём мы, презрев лишенья,
Просто знаем, чего ради.
Ведь, найдём мы его, без сомненья,
Наш единственный оазис.

1987

* * *

Я на охоту вышел безоружным,
Хоть, есть ружьё, но мне оно не нужно.
С врагом, что предстоит сразиться мне,
Я справлюсь без оружия, вполне.
Пусть он матёр, и грозен, и велик,
Но от рожденья слеп он, и безлик.
И чужд земле, которую сосёт.
Победу мне любовь к ней принесёт.

1989

Цыганские страсти

Отставлена гитара, кончен бал,
Осушены последние бокалы.
И тушит свечи опустевший зал,
Ночным укутав тело покрывалом.

Три голоса натруженных молчат,
Цыганские умолкли переборы.
Хмельные парни молодых девчат
Ведут встречать рассвет в ночные горы.

Игривых ласк обрушатся потоки
На кожу разогретых страстных тел.
Едва рассвет забрезжит на востоке,
Все парами потянутся в отель.

И только мечется, от ревности страдая,
Обманутый цыган с разбитой скрипкой.
Пусть ночь-изменница не плачет, не рыдает,
Кинжал готов исправить все ошибки.

Он ждёт их, и глаза налиты кровью,
Разбитой скрипки утихает плач.
Цыганку, опьянённую любовью
Подстережёт безжалостный палач.

Глаза цыганки скроет поволока,
Рука с плеча любимого скользнёт.
Настигнутая вечным сном до срока,
Цыганка на тропинке той уснёт.

Сумеет ли цыган другой увлечься,
Укутать сердце сможет ли забвеньем?
Или с кинжалов искры будут сечься,
Опять в ночи столкнув две непреклонных тени.

1990

Портрет

Ты пишешь семь десятков лет
Свой непридуманный портрет.
А кто на нём? То ли судья,
То ль просто мальчик для битья.
Но присмотришь, ведь это я –

Судья, и мальчик для битья,
Всё это я.

Играю тысячи ролей,
Одна другой не веселей.
Быть может, жизнь на то дана,
Чтоб балом правил сатана?
И кто из нас судьбу не клял,
Но всё ж безропотно молчал.
И стар и мал...

О, мой творец, ты не спешишь
Сорвать все перекрытья с крыш.
И за дыханием мазка
Слежу с биением в висках,
И вяжет по рукам тоска,
Слежу с биением в висках,
Как смерть близка.

Я чувствую её нутром,
Когда она войдёт в мой дом.
Когда сверкнёт её коса,
Чтоб ослепить мои глаза.
Увы, не скатится слеза,
Когда сверкнёт её коса,
Пронзив глаза.

Но, кто сказал, что это смерть,
Коль перестану песни петь?
Пусть время сохранит портрет,
Неважно, мой он, или нет.
Пусть растворяюсь я в золе
На заштрихованной земле,
Но время сохранит портрет
На сотни лет.
Неважно чей... Мой, или нет.

1990

* * *

Не в дремучих дебрях мэтра Шишкина
Спящую Царевну расколдовывать,
В Айвазовском море мне, воистину,

С волнами помериться пудовыми.

Закидать угрюмость снежной замятью,
Вырвавшись из плена пут обрыдлости.
Покопаться в потускневшей памяти,
Чтоб открыть секреты легкокрылости.

И тогда, расправив крылья дерзости,
Взмою вольной птицей над судьбою я.
Вдаль умчусь от безнадёжной серости,
И от мерзких призраков покоя.

Истопчу нехоженые тропы я,
Города засею непохожестью,
Пробужу Расею голожопую
От её бездумного «художества».

Знайτε непокорные и гордые,
Ищущие истину в полемике,
Вас на бойню посылают ордами
Те, кто из чужого рода-племени.

Не спасут вас речи громогласные,
Не грызня, не мускулотрясение.
Но помогут помыслы прекрасные,
Боль души, любовь, стихи Есенина.

1990

* * *

Море, полночный бриз,
И с крыльями за спиною
Взмываю над морем ввысь,
Ну, что ж ты? Лети за мною!
За мною на сердца стук,
На сон наяву – за мною!
На стылость горячих рук,
На трепетность близких губ,
Сумеешь ли ты с головою?
Да так, чтоб ни шагу назад,
Да так, чтоб сойтись с прибором,
Да так, чтоб глаза в глаза,
Да так, чтобы только двое,

Ты, я, да и, пожалуй, море.
 Лишь море вокруг, да, мгла,
 И я согреваю плечи...
 Со мною бы ты смогла
 На крыльях махнуть в вечность?..

1990

Замороженное Сердце

Мне судьба-злодейка сердце заморозила,
 Застудила душу заскорузлую,
 На сырой булыжник тело бросила,
 Груз невзгод на голову обрушила.
 Разум непокорный убаюкала,
 Стыlostью сплетенье мышц сковав,
 Обуздать затеяла, сторукая,
 Буйный, непричёсанный мой нрав.

Пусть судьба рычит, пусть грызёт удила,
 Но ещё не всё у меня застыло.

Сердце не удастся все обуздать,
 Ни к чему злодейке даже убеждать.
 Наяву иль всё же, может быть во сне,
 Только тает, тает, тает снег во мне...

Я затихну, может, на столетие,
 Но не лейте Реквием рекой.

Верьте, что расправлю шире плечи я,
 Чтоб поспорить со своей судьбой.

В чём оно, моё предназначение?

Я найду заветную тропу.

Не навек метели, не навек затмение,
 Приструню уздой свою судьбу.

Пусть судьба рычит, пусть грызёт удила,
 Но ещё не всё у меня застыло.

Сердце не удастся все обуздать,
 Ни к чему злодейке даже убеждать.
 Наяву иль всё же, может быть во сне,
 Только тает, тает, тает снег во мне...

1991

Энергетический пассаж

Сердце дышит теплом, и любовью пронзает пространство,
Нарастает вибрация трепетно-пламенных рук,
Расширяется мир, осязаемость линий утратив,
Разорвав бесконечности непостижимый круг.

И свивается жгут запредельности сверхизмерений,
Меру времени, и расстояний стирая на «нет».
И в едином порыве энергия всех поколений
Излучает невидимый, но всеобъемлющий свет.

Если слеп ты, прозрей!
Если спишь, пробудись на мгновенье,
Если глух, то услышь голос животворящей любви.
Мир убогих и сирых, глухих и слепых от рожденья,
Господи, Боже мой, грешных нас, благослови!..

1991

Путь в небо

Путь в небо! – В мир далёких звёзд,
В царство снега, и замёрзших слёз.
В зов сердца, в песню наразрыв.
В бессмертье мчимся на отрыв.

В зной, в пепел, в искренности синь,
В великолепье трепетных вершин.
Пусть в клочья пульс свой разорвём,
Но... ночью снова оживём...

И в путь в небо! – В омут дивных глаз,
В быль, в небыль, и в былую страсть,
Над облаками, чтоб в точки – города,
Мы камнем... канем... в никуда...

1991

* * *

Дьявол правит балом, святость – на кресте.
Сотни рыл в экстазе терзают одеяло,
В ярости ослепнув, сердцем опустев.
Я не ратник правил, хоть, и не сидел,

Но и власть имущих никогда не славил,
 Знал, откуда взялся красный беспредел.
 На нынешних не ставил, нет веры в тех, кто лжёт,
 На сказочные горы надежды я оставил,
 И, что нас ждёт в грядущем, я знаю наперёд.
 Нас ждёт грызня и склоки, обрыдлость жизни ждёт,
 А если зла не сдержим, нас крови ждут потоки,
 Не дай нам Бог такого, пусть лучше пронесёт.
 А если всё ж случится?.. Что?.. Так ли, мудрено?
 Всем от вражды пора бы давно остановиться,
 К спокойствию и миру пора прийти давно.

1991

О Песне

Не в рассвет, не в дождь, не в туман, не в смерть,
 Мне б с тобой вдвоём эту песню спеть.
 Скрип гитарных струн, будто шелест крыл.
 Я стою, застыл, весь – внимание.
 Будто каменный у ночных перилл.

 В путях голос мой, не в запрете соль.
 В песне боль души, боль души больной.
 Синеокий бриз остужает пыл.
 Я стою, застыл, весь – внимание.
 Будто каменный у ночных перилл.

 Знаю, в песне той рифмой мне не лечь.
 Под дрожанье рук не подставить плеч.
 Голос душу мне переворошил.
 Я стою, застыл, весь – внимание.
 Будто каменный у ночных перилл.

1991

Аглая

На фотовыставке, переходя из зала в зал,
 Витал по отпечаткам тем избитых,
 Пока, мой взгляд к себе не приковал
 Портрет с загадочным названием «Аэлита».

 Со снимка на меня взирала Незнакомка,

Что знал лишь наваждением ночным.
Но, как она смогла попасть на плёнку,
Покинув мои призрачные сны?

И автор снимка пожимал плечами.
Что мог он о тебе мне рассказать?
Твой образ получил, снимая пламя.
А почему явилась ты? Не мог понять.

О том, что пламя - ты, давно мог догадаться,
Пожалуй, я и сам, охваченный огнём.
Но более всего боялся я признаться,
Что ты меня преследуешь и днём.

Незримо образ твой витает надо мною
В прозрачности витрин, в молчанье стылых стен,
Дыхание твоё я чувствую спиною,
И вновь сомнению попадаю в плен.

Зачем меня в мечтах ты посещаешь,
Зачем парим над крышами во сне?..
Зачем при пробужденье ты поспешно таешь,
Оставив блик волшебный на стене?

И вновь звучит аккорд Божественной кантаты,
Симфония мечты вновь льётся с облаков.
На вечное горение вновь обрекла меня ты,
Чтоб распалить грядущую любовь.

И словно бы прозрев, я вдруг запольхаю,
Чтоб для влюблённых душ фантазию творить.
Трёхмерного познания границы я стираю,
Чтоб в возрождённом мире над крышами парить.

А имя я твоё не по наитью знаю,
Оно всегда со мной, звучит в душе, звеня.
Нет, ты не Аэлита, зовут тебя Аглая –
Посланница любви, и вечного огня.

1991

* * *

Перед лицом Господним не солги,
Два слова, два стиха, и битых два фужера.

Попробуй от греха убереги
Остатки недовытоптаной веры.

Мне видится убогость хвастовства
Униженных веками поколений.
Сомкнув от горя скорбные уста,
Паду перед иконой на колени.

И помолюсь я за спасенье душ,
Всех тех, кого на грешный путь толкнули.
Перед лицом Господним я согнусь,
За тех, кому согнули спины пули...

Кто знает, в чём возмездье за грехи,
И в чём за праведность вознагражденье?
Хотя бы пред собою ты не лги,
Склоняясь перед Богом на колени.

И за спасенье душ ты помолись,
Всех тех, кого на грешный путь толкнули.
Перед лицом Господним ты согнись,
За тех, кому согнули спины пули...

1991

* * *

Уж, сетуй, иль, не сетуй, а выбрано судьбой
Родиться на планете, где правит мордобой.
А, именно, в той части, где алый стяг вранья,
И, где Орёл Двуглавый во власти воронья.
Ты в Царствии Неверья, Запретов и Угроз.
Где на запорах Двери, и реки стылых слёз.
И сводами законов, опутанный, живёшь.
Годами, обречённо, ты лучшей жизни ждёшь.
А путь к тому, я знаю, не в лозунгах и гимнах.
В очищенном сознание дорога к лучшей жизни.

1991

Под знаком Зодиака

В сознании кровоточащим вскриком
Колотится мучительный вопрос:
Кто я? И слышу в шёпоте безликом

Я голос самых дальних звёзд.

Они твердят, что я рождён под знаком
Какого-то созвездья Зодиака.

И что созвездье это мной руководит,
От почестей ведёт меня до плахи,
И предопределяет весь мой быт.

Как будто бы мы вовсе и не люди,
А Скорпионы, Овны и Тельцы.
И если я подлец, то кто меня осудит,
Коль мы по гороскопу подлецы.

А завтра для меня наступит праздник.
По гороскопу всем нам быть в добре.
Ведь, в этой галактической игре
Я, как и все, безропотный участник.

И, если нам на послезавтра битва
По гороскопу предстоит между собой,
Сумеет ли её предотвратить молитва,
Коль звёзды нам сулят кровавый бой?

Однако, философствуя под грохотом орудий,
Вы вспомните, незримые бойцы,
Что мы, во-первых, не забыть бы, люди!
И только во-вторых – Стрельцы ...

1991

* * *

Порою, мы напрасно осуждаем
Всех тех, кого не понимаем,
Тех, кто иными мерками живёт,
Иначе дышит, и не так поёт.

Мы звание им дарим шарлатанов,
Их почитаем за изгоев, странных,
За равных их себе не признаём.
При случае, браним их, гоним, бьём...

Но кто из нас был в меру терпелив,
Чтоб выслушать кого-нибудь из них?
Не мудростью, гордыней облачён,

Тот, кто по жизни слынет палачом.
 Поверь мне, истина совсем не там,
 Где гонор ярко блещет по глазам.
 Прислушайся к истоптанным росткам...
 Быть может, истина укрыта там?

1991

* * *

Кому-то почести дороже чести.
 Не в том ли кроется беда?
 Им только на вершину влезть бы,
 А остальное – ерунда.
 Влекомые тщеславным эгом,
 Готовы честь свою забыть.
 Но, сердце остудивши снегом,
 Они разучатся любить.
 Они разучатся прощать,
 И будут громко, без сомненья,
 Лишь о себе самом вещать,
 Всех остальных покрыв презреньем.

1992

* * *

Я шагнул в океан безутешных страстей,
 В чуждый мир пробуждённых иллюзий,
 Чтоб постигнуть в объятых бредовых затей
 То, что мне самому очень нужно.

Отключи телефон, брось монету в окно,
 Я не буду тебя уговаривать.
 Быть понятным тебе в этот час не дано.
 Впрочем, мне самому,
 предстоит этот шаг переваривать.

Я шагнул в океан нерешимых проблем.
 Словно щепка в зловещую бурю.
 Не пытайся понять, сам не знаю зачем,
 Может, чтобы доплыть до безхмурия.

Объяснить свой поступок

не хватит мне слов.

Но, шагая, я не промахнулся.
 В волнах бурной стихии лишился «оков»,
 И свободой взаглот захлебнулся.

1992

* * *

Мой дом всегда открытый для людей,
 Среди которых разные есть лица.
 Гораздо меньше искренних друзей,
 Побольше тех, кто ради любопытства.

Мне средь друзей и дышится легко,
 Среди завистников же задыхаюсь.
 И хочется послать их далеко,
 Но до такого я не опускаюсь.

И мечется мой голос среди стен,
 Мятежною душою на погосте.
 О, будь тысячекрат благословен,
 Пришедший с чистым сердцем в гости!

И словно благому скажу в противовес,
 Как будто в дерево вбивая гвозди:
 Мой недруг, ты в мой дом не лезь,
 Презренный раб корысти, зависти и злости.

И снова повторю, мой друг, прими:
 Благословен, пришедший с чистым сердцем в гости!
 Молю тебя, останься за дверьми,
 Презренный раб корысти, зависти и злости!

1992

Хрустальная Сова

Хрустальным оком на меня взираешь,
 И, словно бы качаешь головой.
 За мой безумный шаг безмолвно укоряешь,
 Хотя, сама, наверное, и знаешь,
 Что так мне предначертано судьбой.

Я эту чашу выпил, без сомненья.
 О чём жалеть? Сам выбрал этот путь.

Прекрасное, остановись мгновенье!
 Коль, ты восходишь не за преступленье
 На эшафот, чтобы сполна глотнуть...

Я свою пытку добровольно принял,
 И пронести её мне до конца,
 До дня, когда в простуженной теснине
 Я упаду, стирая с камня иней,
 Глотнув глоток дуэльного свинца.

Быть может, всё случится прозаичней,
 Но, милая Хрустальная Сова,
 Пока, в своей судьбе многостраничной
 Я не создал ещё своих «Каприччо»,
 И не открыты мною острова!

1992

Магия ночи

Мой час – час для развлечения.
 Магия мышления замри!
 Пусть твоя душа незримой тенью
 Промелькнёт над всполохом зари.
 Пусть твоя душа во тьме белёсой
 Обретёт свою живую плоть.
 Пусть так будет, как душа попросит
 В эту заколдованую ночь.

Мне не нужно от тебя признаний,
 Обещаний слушать не хочу,
 Мучить разговорами не стану,
 Магии молчанья научу.

Пусть за нас поёт само молчанье,
 Обрывая струны голосам.
 Превратимся мы в молчанье сами,
 Сердце к сердцу, и глаза к глазам.

Выплеснулись ночью чары без остатка.
 Ухватить пытаюсь тени след.
 Снова я один строчу заплатки
 На судьбы потрёпанный жилет.

1992

Время – лечит

Время – лечит. Может быть, ты права.
 Мне в том не советчик моя голова.
 Говоришь, что счастье там, где отчий кров.
 Но судьбу на части я разбить готов.

Чтоб уйти в дорогу, с ночи до утра,
 И найти немного, хоть чуть-чуть добра.
 В целом, понимаю... Но скажи ты мне,
 Корысть в том какая, жить, словно во сне?

Крыльями – в небо с кручи скользну,
 И... словно в небыль, в облаков белизну.
 Дождём просеюсь в поле, увы, не родном,
 Где... не сумею прорасти ростком.

1992

Монах

Я – монах, вы можете мне верить,
 Видите мой длинный балахон?
 Не хотите ль на себя примерить?
 Может быть, вам по размеру он.
 Я монах не только по одежде,
 У меня затворница душа.
 Я – монах, и был монахом прежде,
 Нет в моих карманах ни гроша.
 Но достатком душу не очистить,
 Незачем об этом балагурить.
 Вместо денег мне бы ворох листьев,
 И росы серебряные струи.
 Я в обнимку вместе с тёплым ветром
 С головой в улыбку погружаюсь.
 Мне бы песнею порхнуть ещё неспетой,
 Взмыть над речкой с лебединой стаей...
 Соткан день из самых разных линий.
 Есть в нём также сеть из линий смерти.
 Я - монах, и балахон мой длинный
 От сетей спасёт больное сердце.

1992

Играй, шарманщик, играй...

Мчат кони вдаль по полям,
Копыта камни рассекают.
Мчат кони вдаль, и будто знают,
Что вольный край их встретит там.
А мне непросто поспеть
За конским пламенным галопом.
И тут, и там я всё прохлопал,
Осталось только песни петь.

Играй, шарманщик, играй...
Кому-то надо же оплакивать потерю.
И пусть я в это, может быть, ещё не верю,
Но стал чужим когда-то бывший близким край.
Играй, шарманщик, играй...

Я много в жизни терял,
Но никогда не продавался.
Я падал в грязь, и поднимался,
И снова в дальний путь шагал.
И ноги в кровь я истоптал,
Но понял как-то в одночасье,
Что я ищу чужого счастья,
Своё же дома потерял.

Играй, шарманщик, играй...
Кому-то надо же оплакивать потерю.
И пусть я в это, может быть, ещё не верю,
Но стал чужим когда-то бывший близким край.
Играй, шарманщик, играй...

Стою с душою пустой,
Судьбой-злодейкой околпачен.
Тащиться буду жалкой клячей
Я вслед за призрачной мечтой.
Я не один такой, я знаю,
Но, что с того, коль путь далёк.
И долго буду одинок,
Брести, сознание теряя...

Постой, шарманщик, постой...
Не уходи, прошу тебя, послушай.

Вмиг расплескаю я израненную душу,
И пожелтевшей расстелюсь листвою.
Постой, шарманщик, постой...

1992

* * *

Пройдись тихонько под дождём,
Расплескивая лужи.
Порой, когда уже не ждём,
Мы получаем, что заслужим,
Но не от тех, с кем крепко дружим,
А лишь от тех, с кем водку пьём.

Спрячь в воротник своё лицо,
Нацелив зонтик в тучи.
Остерегайся мудрецов,
Которые всех учат,
Но не тому, чтоб быть получше,
А, чтоб скорей стать подлецом.

Оставь свой след там, где дорога
Упрётся глянцем в чей-то сад.
Сумей иметь не слишком много,
Так, чтоб не городить оград.
Богаче будешь ты в стократ,
Раздав всё, что пришло от Бога.

1992

О Судьбе

Нас ждёт колея непрестанных забот,
Неожиданных и ожидаемых.
И вписаться хотим мы в крутой поворот,
Где потерянное наверстаем мы.

Весь наивность для тех, кто умчался вперёд,
Я своей колеёй пробираюсь.
Пусть судьба ищет случая сбить меня влёт,
Я, пока, над судьбой насмехаюсь.

Я ещё поиграюсь с судьбой от души,
Избежав неминуемой плахи.

И когда-нибудь, может, достигну вершин,
Пусть судьба мне грозитя крахом.

Верю, день не закроет ладонью глаза
На моём обезумевшем лице.
Я в последний пред крахом момент – по газам,
И спасусь, увернувшись, на вскрике.

И помчусь на надрыве, ломая кусты,
Упиваясь секундой свободы.
Миг!.. И снова сжимаю я крепко узды,
В этой гонке проносятся годы.

Знаю, время – козырная карта судьбы,
И когда-нибудь буду я битым.
Только знайте, не сдамся я ей без борьбы,
Чтобы быть в забвенье укрытым.

1993

Мир невидимый

В нашем мире задёрганном буднями слеплены веки.
Мы терзаем себя, и таких же усталых людей.
Магазины, театры, бульвары, пивные, аптеки –
Вот и всё, весь набор интересов на прожитый день.

В сонном мире живущим непросто душой пробудиться,
Чтобы взглядом пронзить небосвода седую вуаль,
Где разливом любви мы с тобою могли насладиться,
Пробудив позабытый простуженный старый рояль.

И расправятся крылья, которые всеми забыты.
Анатомия учит, что крыльев, как будто бы нет.
Но смотрите, смотрите... Не видите? В сердце открытом
Расправляется крыльев восторженно-радостный свет.

Мир невидимый спрятали люди в израненных душах.
В панцирь чувства сковали, вославили панцирь пустой.
И живут, прозябая, свою легкокрылость нарушив,
Серых будней колонны пустив навсегда на постой...

1993

* * *

Каждый день нов, непредсказуем,
Из кошмарных снов то безумие.
Выходи из круга порочного,
Где едят друг друга заочно,
Где из рук рвут обретённое,
Где мосты жгут разведённые.
Не смотри так ошарашенно,
Эта ночь в страх окрашена.
Ты войдёшь в тьму, в наваждение,
Трепетность тому подтверждение.
На семи ветрах замешанный,
Потеряешь страх, как помешанный,
Вырвешься за круг околпаченных,
И прозреешь вдруг – всё оплачено.
Не за краткий миг прозрение,
Те ступени ведут в терпение!

1993

* * *

Нет меры всем нравоучениям.
Я не из тех, кто целый час,
Впадая в транс стихосложения,
В стихах несёт мораль для вас.
Пойду дождём, и слёзы смою,
Лик ветром знойным осушу.
Я над судьбой своей не ною,
Я над судьбой своей грущу.
Она слепа, и неказиста,
Без порицаний и наград,
Ведёт меня дорогой мглистой
Уже который год подряд.
И для того, чтобы скорее
Освободить себя от пут,
Я руки странника согрею.
И... Только все вокруг уснут,
Я в путь уйду, порвав одежды,

Мне домом будет вся Земля.
 Пусть будет так, как было прежде,
 Пусть будет также опосля.

1993

* * *

Мир тесен в рамках пробужденья,
 Нереален в свете призрачного дня.
 И скользят по улицам люди, словно тени,
 В их толпе безликой носит и меня.

Не вполне проснувшись, тыкаемся слепо мы,
 И обескураженно хлопаем глазами.
 Словно наше тело неудачно слеплено,
 Монотонно топаем. Куда? Не знаем сами.

Лишь во сне – безбрежье, беспредельность мысли,
 Безграничье времени, и пространства ширь.
 Мы оттуда, верю я, все когда-то вышли,
 Чтобы на досуге оживить наш мир.

1993

Запретный плод

Хочется сразу вдруг стать независимым,
 Богатым, счастливым, и, может быть, славным.
 И мы, одержимые праведной мыслью,
 Торопимся к цели, не зная о главном.

О горечи терпкой запретного плода,
 Запретного, но несомненно желанного.
 И в нашем стремленье нет заднего хода.
 Вперёд, через головы прём непрестанно мы.

Когда остановка? Когда осмысление?
 Когда человечность проступит на лицах?
 Черствеем сердцами, но, тем не менее,
 Погрязнуть в грехах мы совсем не боимся.

Запретных плодов поедаем огрызки,
 Втоптав сапогами в промёрзшую землю
 Совсем незнакомых, и некогда близких,

Иисусовым заповедям больше не внемля.

1993

Дар небесный

В этом мире, придуманном кем-то, не мной,
Я, как мир этот, будто немножко иной.
Ухожу от привычных занятий, затей,
Ухожу от себя, от родных и друзей.

Ощущаю внутри себя дивную дрожь.
Миг полёта, куда ты меня приведёшь?
Вижу линии смерти, болезней и мук,
Вижу страха и зла заколдованный круг.

И, конечно, энергия – божий мой дар
Для того у меня, чтоб гасить тот пожар.
Исцелять от болезней, от смерти спасать,
И немножко себя в этой битве терять.

Невдомёк, почему одарил меня Бог?
Не герой, не святой, в мире грёз одинок.
Этот дар – тяжкий крест мой, не стану скрывать,
Но, пожалуй, что мне не дано выбирать...

1993

Шестимерье

Три измерения пространства знакомы с детских лет,
Трёх измерений времени в понятии нашем нет.
Что время также многомерно не просто осознать,
Но... Эту истину придётся на веру нам принять.

Бывает, время замедляет на краткий миг свой бег,
Мы с вами также точно знаем, как быстр текущий век.
Кому-то, может быть, удастся направить время вспять,
И, чувство времени утратив, всё пережить опять.

Да, в шестимерье всё возможно, не стоит возражать.
Но познавать того не пробуй, чего нельзя познать.
Прошу тебя, поверь на слово, как есть его прими.
Прими его совсем безмолвно, без мудрой болтовни.
Прими и помни, в этом мире – мы не одни!..

1993

Голоса

Бывает, чувствую, но только не уверен,
Что это наяву, а не во сне,
Как открываются в прихожей двери,
И шелест голосов при полной тишине.

Они придут, невидимые гости,
Чтобы поведать тайны бытия,
Когда об этом их никто не просит,
Тем более, что не прошу и я.

Они советуют, подтрунивают, дразнят,
Бросают в пот, заветным шелестя,
Устраивают для меня, порою, праздник,
И сразу пекло самой страшной казни
Даруют мне, мгновение спустя.

Над голосами я, увы, не властен.
Они терзают мой усталый дух,
Бросают мне объедки чьей-то страсти,
И, в общем-то, бормочут ерунду.

Когда-нибудь найду я всё же способ,
Как тех гостей непрошенных прогнать.
Ну а пока всё тот же отголосок
Усталый дух мой мучает опять...

1993

Музыка сфер

Для меня этот свет – тьма,
В стылом сердце царит зима,
И в усталой душе непокой
Обручает меня с тоской.

В стылом сердце царит зима,
А душа от тоски без ума.
Обращает усталый взор
На отроги заснеженных гор.

Полыхает зазря заря,
Звёзды в небе горят тоже зря.
Без оркестра небесных сфер

Самый солнечный день – сер.

Я затворник нездешних мест,
Для меня этот мир – крест,
Для меня этот свет – тьма,
И простор этот, как тюрьма.

Вот бы вырваться из клещей
Непонятной мне власти вещей,
Над обрыдлостью вознестись,
И стрелою помчаться ввысь.

Бесконечность разрезав крылом,
Я вернусь в свой родимый дом,
В лучший мир изо всех миров,
В мир, где царствует вечно любовь.

Мир, где светом зовут свет,
Мир, где грусти названья нет.
Мир – реальнейший из химер,
Где с небес льётся музыка сфер.

Полыхает не зря заря,
Звёзды в небе горят не зря.
И оркестр небесных сфер
Открывает в безбрежье дверь.

1993

Снег

Снег... Можно, закрыв глаза,
Слушать волшебный скрип.
Не раскрывая век,
И, унимая страсть,
Можно в него вонзять
Свой молчаливый вскрик.
Снег...

Блик... Солнечный всплеск огня
Белый покров зажжёт.
Светом на миг ослепив,
Опустошит меня.
И на закате дня

Искренность сбережёт.

Блик...

Снег... Снежных просторов дым

Будит в душе печаль.

И, чтоб не попасть во грех,

Нам бы, почти молодым,

Смыть с наших ликов грим,

Чтоб с чистыми лицами в рай...

Снег...

1993

* * *

Тучи – сплошь,

Сердце – порожний кувшин.

В реку дрожь

Льётся из скорбной души.

Нем и глух

На чей-то призывный зов.

Пыл мой потух,

И в ночи укрылся без снов.

Стал я дремуч,

Словно забытый берег.

Найти не могу ключ,

К тому, во что прежде верил.

Той вере цена – грош,

И я от неверия пьяный,

В тот пролетающий дождь

Каплей дрожащей канул.

И, утонув в реке,

Вышел в простор океана,

Чтобы в морском песке

Снова навеки кануть...

1994

* * *

Я люблю возвращаться после долгой разлуки

В позабытые нами с тобой времена,

Я люблю по утрам целовать твои руки,
 Не нарушив при этом спокойствия сна.
 Нам бы омут забвенья, сорвавшись, озвучить,
 Обезглавленный образ любви оживить...
 Но потеряны дни, и потеряна нить.
 И не знаю, не будет ли лучше
 Не казниться, не биться, себя не казнить?
 А суметь, пересилив суровые тучи,
 Навсегда позабытое вновь позабыть...
 Это слово не лёд из бескрайных равнин,
 Где в надрыве оборваны связки,
 Если кто-то идёт на вершину один,
 Сократив рацион из опаски,
 То, возможно, придётся ему на пути
 Сделать долгий привал аварийный,
 Иль придётся собой скользкий склон подмести,
 И в бездонной расщелине согнуться.
 Значит, это в бреду недовыпитых чар,
 Не вонзай в одеяло пальцы.
 Я скорее, пожалуй, обрушусь со скал,
 Чем нарушу твой сон глубокий.
 Ангел мой, в день разлуки нежданной я стал
 Опустевшим и одиноким...
 Пусть плетут ожерелья на теле моём
 Разноликие девы-красавицы.
 Знай, в душе я один, и мечтаю в твой сон
 Через сотни преград переправиться.

1995

* * *

Верь слову моему, и взгляду,
 Ошалевшему от визга тормозов.
 Верь зову моему, и Аду
 В душе своей не открывай засов.
 И биться с недругом невидимым не надо.
 И на него не трать ты много слов.
 Достаточно лишь брошенного взгляда
 На Божий образ, что сквозит поверх голов.

1995

* * *

Не в нами придуманном мире,
Нам жить, и, конечно, страдать.
В заставленной хламом квартире,
Нам множество раз умирать.

Куда-то спешить, оставляя,
В прошедшем и мать, и отца.
И, в общем, напрасно сжигая
Свои молодые сердца.

Жить, слёзы, придётся, глотая,
И верить порой подлецам.
И время терять, ожидая
Очередного гонца.

Где слово, где стих, где эхо?
Где истины чистый родник?
Плывёт, искаженный смехом,
Гордыни презрительный лик.

Колени стерев до крови,
Молитвой стреляя ввысь,
В единственном выражу слове
Раскаяние за жизнь.

Раскаяние за чувства,
За наш несмиренный быт,
За завтрашние безумства
И груз непрощённых обид.

Я взмою, наполнив парус,
Своей несравненной мечты.
Пускай я сгорю Икаром,
Мне доля такая досталась
Обрушиваться с высоты.

1995

* * *

Осень уносит увядший листок,
Золотом в просинь, с кручи в отрог.

Плачет дождём посеребрённый свод,
 Густо замазав поблёкший восход.
 Осень уносит увядший листок,
 Милая осень, как я одинок.
 Стою, и не смею идти, оглушён,
 Как будто всё кончено, день позади,
 Но снова, как маятник, сердце в груди,
 И болью утраты опустошён.
 Ветер-попутчик протяжно вздохнёт,
 Дыханием листья с деревьев спажнёт.
 Время забыться, и в шорох нырнуть,
 Время опять отправляться мне в путь,
 Где снова закаты, и ночи навздождь,
 Где в праведном царствует скрытая ложь,
 Где острые зубы, и когти в чести,
 Но, впрочем, мне с мерзостью не по пути.
 Уйду, где меня никому не найти,
 Где чистую совесть нельзя замутить.
 Там ясное небо, и светлые дни,
 Если сможешь понять, не кори, не вини.
 Буду снова, как проклятый, мёрзнуть в тиши,
 Где кроме меня больше нет ни души...

1995

Я, как загнанный волк

Я, как загнанный волк,
 Вилы целят мне в бок,
 Нет пространства ни справа, ни слева.
 И смотрю в потолок,
 Да, поможет мне Бог,
 От загонщиков озверелых.

Я, как загнанный волк,
 В сердце смотрит мне ствол,
 И в коллапсе сжимается время.
 Кто-то тронет курок,
 Чтобы пулей в висок,
 Но сгибать я не стану коленей.

Я, как загнанный волк,

Жил и был, сколько мог,
Презирая охотничьи ружья.
И, прослушав урок,
Я читал между строк,
И торчком становилися уши.

Я, как загнанный волк,
Судьи знают в нас толк,
Вмиг на шею набросили петлю.
Усмехнулся злой рок,
Знать, окончен мой срок,
Узел стянут, хриплю еле-еле.

1996

Колокол звонит

Как вина глоток,
Позабытый день.
Он меня обрѣк
В руки взять мишень.
В тот же миг - обстрел
Изо всех углов,
Рядом груды тел,
Да, и я готов...

Был один, как вскрик
Взбудоражен я,
Помертвевший лик
Ошарашенный.
Колокол звонит –
День прощания.
Не в бою убит
От отчаянья.

Эта ночь не спит,
Осовелая,
А душа скулит
Очумелая.
Избежавший слѣз
Искупления,
Я себя унёс
В тление.

Принял в спину нож
 Словоблудия,
 Вместо песни в дождь
 Пополуденный,
 Вместо смеха в тьму
 Несусветную,
 Может, там пойму
 На что сетовать.

Парусом летел
 Над заливом грёз.
 Вмиг окаменел,
 Сорняком зарос.
 Врезал мысль в гранит
 Обелисковый,
 Колокол звонит
 Где-то близко...

1996

* * *

Я видел, знал и ждал прихода тёмной силы,
 Хотя, её никто не приглашал на бал.
 Но вот она меня на танец пригласила,
 И отказаться я, как будто, опоздал.

Нет силы возражать, пусть будет, как случилось.
 Я видел, знал и ждал. Что заставляло ждать?
 Я видел, знал и ждал, того, что мне не мило,
 Всё то, что потерял, был должен потерять.

Я видел, знал и ждал, так, почему, на милость,
 Я, отвернувши лик, простуженно молчал?
 Я видел, знал и ждал, и мне ночами снилось,
 Как распалённым сердцем я Землю освещал.

Я видел, знал и ждал, надежды не теряя,
 Что легкокрылый бриз очистит мой причал.
 Я видел, знал и ждал перед Вратами Рая,
 Чтоб дух мой воспарил, и светом засиял.

1996

Вишнёвые лица

Ты ответила, а я и не спрашивал.
Ты с упрёками, мне же в рассвет.
Где-то вечер уныло раскрашивал
Чьи-то лица в вишнёвый цвет.
Только я был в рассвете завтрашнем,
Озаряясь в оранже утра.
Ты ж вишнёвая, и сегодняшняя,
Но для завтра это будет вчера.
Ты вишнёвая, непримиримая,
Я ж струюсь в беззаботный день.
Где укроюсь в огне незримом
От вчерашних вишнёвых людей.
Я не жду от тебя покаяния,
Не бранись, не кляни, не взыщи.
Я грядущего времени странник,
Во вчера ты меня не ищи.

1996

* * *

Ты, гость неожиданный мой,
Не стой на пороге, войди!
Скажи, что тебя привело
В столь позднее (только ли!) время,
В мой тихий заброшенный дом,
В простуженный замок забвенья.
Надеюсь, не зло, и не месть...
Скажи, не томи, не тяни,
Какую принёс ты мне весть?
Ты чувствуешь, странник, я весь
Во вниманье смиренно застыл.
И, голову молча склонив,
Мируюсь с неизбежным, с больным...
Скажи мне, но только не лги,
Откуда предчувствие смерти?
Бесплодно не целься, ударь...
Но в порыве своём
Меня не суди, не кляни.

А, впрочем, что спорить с судьбой?
Ты дай мне, неожиданный мой гость,
Нарушивший стылый покой,
Всё то, что я сам заслужил,
Борясь день за днём сам с собой.
И, вроде бы жил, и не жил,
Терпел, а порою рыдал,
От боли отчаянно выл,
Но больше в молчанье страдал.
Быть может вся жизнь – просто сон.
На миг только смежишь глаза,
И враз опустеет вокзал.
Как будто бы всё не сказал,
А звон словно в день похорон.
Возможно настала пора
Излиться, открыться, пропасть,
Или обрушиться в страсть.
Скажи мне, неожиданный мой гость,
Насколько расшатан мой трон.
И сможет ли выдержать он
До наступленья утра?..

1997

* * *

Я плачу над тобою, Югославия,
Над прахом тех, кто был убит, скорблю.
Тебя судьба злосчастная заставила
Опять себя испытывать в бою.
Осуждена враньём на поругание,
Ты с честью своё знамя вознесла.
Но те, кто разбомбили твои здания,
Являются служителями зла.
Они грозят тебе уничтожением,
Несут тебе разруху, смерть и мрак.
Но твой народ бесстрашный, тем не менее,
Отважно распевает на мостах.
Пусть бомбы падают на головы невинные,
Пред Богом и пред правдой вы чисты!

И пусть от бомб твой лик покрыт руинами,
 Твоё терпенье Бог отметит с высоты.
 Сегодня сербов и албанцев делит ненависть,
 Которая навязана Антихристом извне.
 Что с ними от вражды той, Бог мой, сделалось?
 Сгорают души в медленном огне.
 Понять, что Бог один, а жизнь – для милости,
 Не нам ли нужно всем до одного?
 И пусть тогда Антихрист тщетно силится
 Найти среди детей твоих врагов.
 Я плачу над тобою, Югославия,
 Прости всех тех, кто с гибельным мечом,
 Присвоив самовольно званье праведного,
 Стал самым примитивным палачом.

1999

Дом, который взорвали

Тот дом, который нелюди взорвали,
 Обрушился на спящую невинность.
 Развалины надрывно к нам зывали,
 Ко всем, кому беды удалось минуть.
 Вчера был дом, сегодня лишь могильник,
 Перелопаченный в бессилье тракторами,
 Кровавый след на месте дома сгинет,
 Но тот, что в душах, будет вечно с нами.
 Всем миром предлагаю помолиться
 За души всех безвременно ушедших.
 Пусть Бог осудит бессердечного убийцу,
 Который в этот страшный взрыв замешан.
 Неслыханно, по-дьявольски жестоко
 Он надругался над невинным людом,
 Но только Бог его накажет строго,
 А люд о преступленье не забудет.

1999

* * *

Вижу хищный оскал ненасытных клыков,
 На охоту за мной вышли сотни волков,

Слышу хохот надменный седых вожаков,
 И прислужливый визг неразумных щенков.
 Знаю, сотни шакалов за ними идут,
 И в угоду волкам дифирамбы поют.
 Ждут остатков обеда, или шерсти клочка,
 После волчьего пира заморить червячка.
 Но и я не ягнёнок, хотя и не лев.
 И моя территория не похожа на хлев.
 На неравную схватку я выйти готов,
 Чтобы свору уменьшить на пару голов...
 Знаю, всё безнадежно, под клыками паду,
 Только мне не гореть после смерти в аду.
 Я паду, защитить свою жизнь не сумею,
 Но постигнет ту свору Божественный гнев.

1999

* * *

Опять разрывы нам сердца буравят,
 И кровь на землю проливается рекой.
 Мы пьем, но, к сожаленью, не за здоровье,
 Скрипя зубами пьем за упокой.
 Мы пьем за тех, кому не возвратиться,
 Кого костлявая настигла под горой,
 Пусть им спокойно на погосте спится,
 А мы сомкнем свой поредевший строй.
 И надо бы задуматься о вечном,
 Понять, что день без искры торжества,
 Что безвозвратно мы теряем в сечи,
 Свои разбитые от горечи сердца.
 Терзает тех, кто выбрался из ада,
 Ночной переполох кошмарных снов,
 Всех уцелевших ждёт одна награда,
 Вины невыносимый груз оков...
 Вины, что наше сердце громко бьётся,
 Вины, что не смогли их уберечь,
 Вины, что жить за них теперь придётся,
 Что не смогли мы в битве с ними лечь.
 И надо бы задуматься о вечном,
 Понять, что день без искры торжества,

Что безвозвратно мы теряем в сечи
Свои разбитые от горечи сердца.
Опять разрывы нам сердца буравят,
И новые колонны рвутся в бой,
И пить нам горькую придётся не за здоровье,
Скрипя зубами, будем пить за упокой.
За тех, кому назад не возвратиться,
Кого костлявая настигнет под горой,
Пусть им спокойно на погосте спится,
Пока смыкаем поредевший строй.

1999

* * *

В Память Экипажа АПЛ «Курск»

Нет ни слов, ни эмоций, ни мыслей,
Пустота обесчелоченных глаз.
Над седою бездной нависла
Невостребованная страсть.
Нет ни ненависти, ни презренья,
Ни влюблённости, ни торжества,
Нет ни занятости, нет ни лени,
Лишь поникшая голова.
Пробудись, незнакомый странник,
В этом мире забытых грёз
Тонет чья-то мечта в океане,
Вызывая потоки слёз.
Тонет чья-то заветная нежность,
Непричёсанный чей-то нрав.
Ни к чему им теперь с прилежностью
Изучать свой морской устав.
Самым близким приходится ждать
Приговора судьбы сурового –
Морякам тем в подлодке лежать,
Ожидая приказа нового.
Справедливости вопреки,
Не сумели спастись моряки...
Только, верю я, смерть – не конец
Для того, кто всегда боец.
Солнце будет дарить им свой свет,

Сколько солнцу отпущено лет.
Даже если то солнце устанет светить –
Будут вечно матросы жить...

2000

Он не для наград

Он мне друг и брат,
Был всегда со мной.
И не для наград
Принял смертный бой.
Пусть совсем не свят,
За товарища
Взял на грудь разряд
Убивающий.
И стоит у врат,
Без понятия,
То ли рай, то ль ад,
Готов принять его.

Он скалой стоял,
Побледнев слегка,
И стрелял, стрелял
В своего врага...
А потом устал,
Гордый взгляд потух,
Вниз лицом упал,
Ипуская дух.
И стоит у врат,
Без понятия,
То ли рай, то ль ад,
Готов принять его.

2007

Я дойду

Взмах меча. Свист стрелы. Боль.
Устоял. Кровь течёт струёй.
Конь мой пал. Ну а мне позволь
Взять твой посох, отец святой.
Пусть врагов на пути тьма,

Я смогу. Я дойду. Доползу.
Пусть на бой выйдет Смерть сама,
Я её разорву. Загрызу.
Снова шаг – и копьё в плечо.
Застилает глаза мгла.
Кровь стекает уже ручьём.
Но я буду стоять, как скала.
Воин Тьмы, выходи на бой.
Что ж ты бьёшься из-за угла?
Я не пал, я ещё живой,
Хоть, и в сердце моём стрела.
Меч в руках моих словно звон,
Жизнь моя – это вечный Свет.
И пускай Тьма со всех сторон,
Но во мне этой Тьмы нет.
Шаг за шагом. Вперёд. Шаг.
Я иду, раздвигая Тьму.
А в глазах у врага – страх,
И меня не унять ему.
Он секирой разбил мой щит,
Он когтями – в глаза – мне.
Череп мой от ударов трещит,
И сгорает душа в огне.
Только знаю. Дойду. Доползу.
Пусть разодранный на клочки.
Смерть, отстань, я тебя загрызу.
Не маячь! Я живой... почти.
Пусть меня окружают кресты,
Не бросаю на ветер слов.
Я дойду к тебе – Ангел Мечты.
Свет мой – Вера, Надежда, Любовь.

2007

Каждый стих...

Каждый стих мой – стих,
Над полночной рекой,
Ты, душа моя, отпусти
Свою горечь на вечный покой.

Хоть, земля подо мной не горит,
И чиста у меня совесть,
Но душой – я в забытый скит,
От себя самого укроюсь.

Я с надеждой и верой любил,
И друзей своих не предавал,
Без оглядки назад я жил,
И в колодец чужой не плевал.
Если близок мне был друг,
Я стихи для него слагал,
И не прятал лица и рук,
Если шёл поразить врага.

И не плакал от боли навзрыд,
Со спины получив стрелюю.
Был я предан, но не убит,
Был сожжён, но не стал золою.
Ветер крылья мои сломал,
В сердце вбились слова-спицы...
Я на острые камни упал,
Но от боли не стал виться.

В сердце били десятки стрел,
Вороньё предвкушало ужин.
Я ж стоял, и молча смотрел
На того, кто продал дружбу.
Он не знал, что убить любовь
Не удастся лихим наскоком.
Я ж, теряя свою кровь,
Над своею наивностью охал.

Под ногами земля не горит
У того, кто продал друга.
И не мучит его стыд,
И одежду не рвёт вьюга.
Ходит он по земле, по росе,
И клеймом на лице не отмечен.
Он такой же почти, как все,
Но душою своей покалечен.

Моё тело – на части порвут
Ненасытные в злости гиены,

Но душа ускользнёт от пут,
Чтобы выстрадать боль измены.
Но душа моя будет жить,
Чтобы горечью упиваться,
Будет правдою вере служить,
И с надеждою не расставаться.

Если б только я раньше знал,
Как горька без одежды правда,
Я бы ангела Смерти позвал,
Чтоб вручил мне свою награду.
Чтобы дал пустотой до дна
В полной мере мне насладиться,
И, чтоб я от того сна
Никогда не сумел пробудиться.

Нет, бежать от судьбы не могу,
Всё, что было со мной, я приемлю,
Всё, что верил, любил – сберегу,
Всё, что проклял – зарюю в землю.
Пусть не смог я себя обрести,
Пусть предательство друга узнал.
Каждый стих мой – стих,
И молитвою стал.

2007

Умирать погоди

Первый раз я родился
На свой день рождения.
Второй раз пробудился
От раны в груди,
Когда пуля коснулась
Меня на мгновенье,
Но мой ангел сказал:
- Умирать погоди.

Третий раз я вернулся
Отвергнутый адом,
Когда, преданный другом,
Попал под кинжал.
Он стоял, и смотрел,

Как сражённый я падал.
Пыль стряхнул с пиджака,
Когда я умирал.

Мы рождаемся, чтоб
Умирать, и рождаться,
Ходим, Богом хранимые
В трудные дни.
Мы приходим на свет,
Чтоб любить, и сражаться,
И гасить в своём сердце
Недоверья огни.

2008

Вот пуля просвистела...

Вот пуля просвистела...
Ага... Значит не в тело.
Удар! Разрыв!!! Опять...
Не в десять, и не в пять.
Живой я, невредимый,
Опять свист пули... Мимо.
Прожить бы только ночь.
Удар! Разрыв!!! И в точку...

А где-то на гражданке
По-прежнему все чинно,
Друзья трясут стаканами
За Мишкину кончину.
Всплакнут в хмельном угаре,
Судьбу кляня по-своему.
Потом возьмут гитару,
Споют зауспокойную.

И молоды - не молоды,
Таланты ли, бездарности,
Все жизни перемолоты
В тисках безумной ярости.
И сколько в небо тех ребят
Уйдёт от нас колоннами,
Уйдут они за рядом ряд,
С сердцами обнажёнными.

Вот пуля просвистела...
Ага... Значит не в тело.
Удар! Разрыв!!! Опять...
Не в десять, и не в пять.
Живой я, невредимый,
Опять свист пули...

2008

Конь мой вороной

Конь мой вороной,
Кончился наш путь,
Пулею шальной,
Мне пробило грудь.
Я упал с седла,
Замер, не дыша,
С выдохом ушла
В небеса душа.

Окриком, шлепком,
Плёткой и кнутом,
Моего коня вам не обуздать.
И, хоть в глаз, хоть в бровь,
Загоняйте в кровь,
Вам его вовек не взнуздать.

Конь мой вороной,
Ты меня прости,
Что не смог с тобой
До конца идти.
Пусть ушёл во мрак,
Преданный судьбой,
Но не сможет враг
Выиграть тот бой.

Окриком, шлепком,
Плёткой и кнутом,
Моего коня вам не обуздать.
И, хоть в глаз, хоть в бровь,
Загоняйте в кровь,
Вам его вовек не взнуздать.

Конь мой вороной,
Кончился наш путь,
Пулею шальной,
Мне пробило грудь.

2008

* * *

Несовершенен мир –
Воюют Свет и Тьма,
И бьются на мечях
Проклятия с молитвой.
И гибнут в битве сей
Те, кто с огнём в очах,
И я своих друзей
Теряю в этой битве.
Придёт и мой черёд,
Я обнимусь с землёй,
Но дух мой устоит
Пред вражеским напором.
Пусть буду я убит,
Но не нарушу строй,
И с поля многих битв
Уйду, но не с позором.

2008

* * *

В мире, где льётся кровь,
Нам предстоит ещё жить.
Почему убиваем любовь,
Оставляя в себе лишь прыть?
Мы лелеем в себе на погибель души –
Ненависть, злобу и страх.
И в сердца мы вбиваем по ручки ножи,
Приближая вселенский крах.
Если в сердце твоём не потух уголёк
Всеобъемлющей вечной любви,
Изгони из души своей грязный порок,
И любовью дыши и живи.

2008

Пустые слова

*Русский перевод с польского
песни Марека Тымкоффа*

Гонит наш мир ошалело,
Земля с ускореньем крутится
Никому до того нет дела
Может завтрашний день не сбудется.

Отправленное письмо
На мой адрес вернётся вновь.
Но напрасно вернётся оно,
Ведь в том доме нет больше слов.

Не нуждается мир наш в истине,
Он своею лишь правдой живёт.
Мы в сомненьях терзаемся искренне,
Может, завтрашний день не придёт.

Отправленное письмо
На мой адрес вернётся вновь.
Но напрасно вернётся оно,
Ведь в том доме нет больше слов.

А пустые слова будут нас трясти,
Остужая любовь в нас и страсть.
Будем таять душою в вечности,
Если свет от любви погас.

Отправленное письмо
На мой адрес вернётся вновь.
Но напрасно вернётся оно,
Ведь в том доме нет больше слов.

А пустые слова будут нас трясти
Остужая любовь в нас и страсть
Будем таять душою в вечности
Если свет от любви погас.

2013

* * *

Ложь ширилась, росла, и набирала силы.
Потом она безумие родила.
Безумие прелюбодействовать, и красть,
Завидовать, и даже убивать.

Увы... Как ни крути, оно свершилось.
И ложь в обычную рутину превратилась
Её вдруг перестали замечать,
А вскоре стали даже привечать.

Ложь ширилась, наглела, и бесилась,
На части правду разорвать грозилась.
Затем себя вдруг правдой назвала,
И нагло её место заняла.

Душа болит... Ложь колет в очи мне.
Я знаю - она служит сатане.
Куда ни глянь, бесятина кругом.
Побитой правде я молюсь тайком.

Умеет ложь права свои качать.
Душа болит... Приходится молчать...
Увы, распята правда на кресте,
И её голос гложет в пустоте.

Пускай сегодня миром правит ложь, Но
правду не задушишь, не убьёшь.
Ведь сила в правде, и, в конце концов,
Она себя избавит от оков.

2022

* * *

Всё, ухожу... От пересудов, клеветы
Отгорожусь высоким я забором.
И пусть разрушатся к душе моей мосты,
Но не хочу быть яблоком раздора.

Всё, ухожу... исчезну с ваших глаз,
Чтоб не дразнить своим стремленьем к свету.
Самолюбуйтесь пустотой высоких фраз,
В которых света солнечного нету.

Всё, ухожу... зачем мне этот мир,
В котором тьма свой суд вершит надменно?
Пусть без меня начнётся этот пир,
В котором слопают вас гонор непременно.

2008

Владимир Филиппов

Я пишу за здоровье...

СТИХИ

Размер 1,94 Mb ; 50 стр.

Четвёртое переработанное и дополненное издание 3F9E1F3869BB463D-pdf

Parroslab Group © 2023
All Rights Reserved